

ЗОФИЯ МЕЛЬНИК

ГОРНИЧНАЯ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА РОЗГИ

18+

Зофия Мельник

Горничная, которая любила розги

«Автор»

2014

Мельник З.

Горничная, которая любила розги / З. Мельник — «Автор», 2014

"Чеславе нравится играть в горничную-неумеху, которую то и дело наказывает строгая хозяйка. Это одна из ее любимых грез, и таких грез в голове у Чеславы великое множество. Сколько раз Чеслава представляла, как пани Фелиция велит ей задрать платье и хорошенько отшлепает неловкую горничную крепкой ладонью. Увы, эта греза Чеславы так и не сбылась! Наказывать горничную пани Фелиция поручила Грасе. Это долговязая худая девица с задумчивыми зелеными глазами и русой косой по пояс служила в доме пани Фелиции, наверное, с дюжину лет. Обычно Грася стегала Чеславу розгами на лавке во дворе. От порки Чеслава становилась сама не своя. Грася даже не догадывалась, какое острое, похожее на нестерпимый зуд, наслаждение получает Чеслава, вертясь на скамье под тонкий и страшный свист розог. А сколько было сладости вскоре после порки стоять возле зеркала голой и разглядывать припухшие лиловые следы от прутьев и касаться их кончиками пальцев" BDSM, ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ДОМИНИРОВАНИЕ, МИСТИКА, ФЕТИШ.

© Мельник З., 2014

© Автор, 2014

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	20
ГЛАВА ПЯТАЯ	23
ГЛАВА ШЕСТАЯ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Зофия Мельник

Горничная, которая любила розги

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чеслава стоит в сумраке коридора и разглядывает себя в старом потускневшем зеркале, висящем на стене в овальной раме. Чеславе очень нравится это скучное темное платье и белый фартук с кружевной отделкой по краям. Ей нравится играть в маленькую горничную-неумеху, которую то и дело наказывает строгая хозяйка. Это одна из ее любимых грез, и таких грез в маленькой головке Чеславы великое множество.словно коробки с киноплёнкой они стоят на длинных стеллажах в потайном комнате, спрятанной в походе на темный путанный лабиринт сознания Чеславы. Вот, к примеру, совсем простенькая история, в которой Чеслава и семеро мужчин после кораблекрушения попадают на необитаемый остров. Мужчины разного возраста и цвета кожи, начиная со стройного белокурого мальчишки и заканчивая седобородым, но еще крепким старцем... А в другой истории Чеслава попадает в сырые застенки средневековой инквизиции. Монахи в черных рясах грубо срывают с панночки одежды и нагую, и дрожащую от стыда и страха растягивают на дыбе. Один из братьев с худощавым и строгим лицом берется за длинный хлыст. Тяжело дыша, Чеслава висит на дыбе и смотрит, как монах замахивается хлыстом. У него красивые руки с тонкими длинными пальцами... Или вот еще одна греза – Чеслава живет в каком-то большой городе, например, в Гданьске, и поздно вечером возвращается с работы. Несколько мужчин, от которых сильно пахнет вином, останавливают её в темном переулке и отбирают сумочку с деньгами. Чеслава получает пару оплеух, от которых у нее звенит в голове. Панночку заставляют встать на колени на грязную мостовую. Лица мужчин не видно в темноте, один держит Чеславу за волосы, а другой, пьяно ухмыляясь, расстегивает ширинку... А еще у Чеславы есть грезы о древней Греции и весталках, об английском пансионе для благородных девиц, о незнающих жалости морских пиратах, и восточном гареме...

Из старого зеркала в овальной раме на Чеславу смотрит худенькая невысокого роста панночка. У панночки бледное лицо, острый маленький нос и тонкие брови, её черные выющиеся волосы коротко подстрижены. Она кажется девочкой-подростком, но выдают Чеславу светлые, точно льдинки глаза, наглые и шальные, с какой-то похотливой мечтательной поволокой. Чеслава не может сдержать улыбку, она думает, что похожа на кота, который сидит перед миской с жирной сметаной.

Ей нравится этот старый бревенчатый дом, стоящий на краю соснового бора на отшибе за рекой. Ей нравится хозяйка – высокая дородная дама лет сорока с миловидным лицом и большими карими глазами. Рядом с пани Фелицией Чеслава робеет и чувствует себя маленькой девочкой. Грезы словно назойливые мотыльки принимаются кружить вокруг Чеславы и застыт ей свет. У неё заплетается язык, руки становятся неловкими и вот уже чашка с кофе летит на пол и разбивается на дюжину белых фарфоровых осколков. Ах, сколько раз Чеслава представляла, как пани Фелиция велит ей задрать платье и хорошенько отшлепает неловкую горничную крепкой ладонью. Чеслава вертится на полных круглых коленях хозяйки, мычит сквозь стиснутые зубы, а звонкие шлепки обжигают ее маленькие круглые ягодички. Увы, эта греза Чеславы так и не сбылась. Наказывать горничную пани Фелиция поручила Грасе. Это долговязая худая девица с задумчивыми зелеными глазами и русой косой по пояс служила в доме пани Фелиции, наверное, с дюжину лет. Обычно Грася отводила Чеславу в чулан во дворе и там на лавке наказывала розгами. От порки прутьями Чеслава становилась сама не своя, единственное, о чем панночка беспокоилась, это как бы не перегнуть палку с битьем посуды и прочими шалостями, чтобы пани Фелиция ненароком не выставила ее из дома. Грася, чистая душа, жалела Чеславу, но все же довольно больно её стегала. Грася даже не догадывалась, какое острое, похожее на нестерпимый зуд наслаждение получает Чеслава, вертясь на скамье в этом темном и пыльном чулане. Да эта скамья для Чеславы была словно медом намазана!

А сколько было сладости вскоре после порки стоять голой возле зеркала и разглядывать припухшие лиловые следы от прутьев и касаться их кончиками пальцев. Или какво было Чеславе срезать садовыми ножницами ивовые прутья и счищать с них листья, а самой думать, что, может быть, уже нынешним вечером этими самыми прутьями ее снова будут пороть. Ладони становились горячими и влажными, и её маленькое взбалмошное сердце принималось часто-часто биться в груди...

– Чеслава! Чеслава! Куда же запропастилась эта девчонка! – слышит панночка голос Граси из кухни.

Глядя в зеркало, Чеслава проводит рукой по волосам, и поправляет фартук. Она походит по коротенькому сумрачному коридору, толкает дверь и останавливается на пороге кухни.

– Марек приехал, племянник пани Фелиции, – говорит горничной Грася, доставая из шкафа накрытое полотенцем блюдо с утрешним пирогом. – Да не стой ты столбом, отнеси самовар в гостиную.

Грася распахивает дверь и, нагнувшись, чтобы не задеть притолоку головой, с блюдом в руках выходит из кухни. Пузатый медный самовар фабрики Фраже вовсю кипит, из отдушиников вырываются струйки пара. Чеслава берет с полки фарфоровый заварочный чайник и жестянку с чаем. Бросает в чайник пару щепоток чаю, щепотку чабреца и лист смородины. Она ставит чайник на конфорку самовара, потом осторожно берется за ручки и, подняв тяжеленный, пышущий жаром самовар, выходит из кухни в гостиную.

В окна гостиной льется розовый закатный свет. В палисаднике стоят кусты сирени, вечерний воздух неподвижен, и ни один листик не шелохнется. Неподалеку от дома за поросшей высокой травой пустошью начинается сосновый бор. Над кронами сосен клубится, расплзаясь по небу грозная фиолетовая туча.

– Ну, сел я, значит, в поезд и уснул, – рассказывает хозяйке молодой пан, не иначе, тот самый Марек. – И так, тетушка, крепко уснул, что в Гданьске меня проводник едва растолкал. Сам я ни за что бы не проснулся! Ну и вот, ищу я чемодан, а чемодана-то под лавкой нет! Хорошо хоть деньги и паспорт у меня в кармане лежали. А иначе, как бы я доехал из Гданьска до Картузов, ума не приложу!

Марек сидит за столом спиной к окнам, в рубашке с расстегнутым воротом и темных брюках. Марек невысок, но хорошо сложен. У него курносый нос, а глаза такие же карие, как у тетушки. Темно-русые волосы лезут ему в глаза, и Чеслава думает про себя, что Мареку не мешало бы постричься.

Горничная проходит по домотканой цветастой дорожке, постеленной поверх половиц и ставит самовар посреди стола.

– Ах, ты растяпа! – вздыхает пани Фелиция.

– Простите, тетушка, – кается Марек. – Я за последнюю неделю совсем замаялся. А вчера после экзаменов всю ночь просидели с друзьями в одном кабачке. Словом, не уследил, заснул... Да чемодан-то к слову сказать был из крашенного картона, да и вещей там всего ничего – старые ботинки, бельишко...

Чеслава снимает с самовара заварочный чайник, поворачивает краник, наливает в чайник кипятка и закрывает крышкой. Тетушка сидит против Марека и гаснущий розовый свет заката ложится на ее округлое доброе лицо. Длинные черные волосы пани Фелиции собраны в тугий пучок на затылке. Грася примостилась с краю и режет ножом пирог с визигой.

– Скажи, ты экзамены все сдал? – спрашивает Марека тетушка. – На осень «хвостов» не осталось?

– Сдал, все сдал, – отвечает Марек и смеется, – пару раз думал уже, что засыплюсь, но свезло.

– А зачетная книжка...

– Всё, всё в чемодане осталось, – машет рукой Марек. – И зачетная книжка, и все тетради с конспектами... Но вы не переживайте, тетушка, это дело поправимое.

– Ну, какой ты, право слово, растяпа!

Горничная наливает в чашку душистый и черный, как деготь чай, а после разбавляет его кипятком из самовара.

– Спасибо, пани, – Марек бросает на Чеславу быстрый взгляд, и отводит рукой, упавшие на глаза волосы.

– А где Алиша? – спрашивает он тетушку.

– А кто же ее знает, мир большой, – отвечает пани Фелиция. – Алиша попросила расчет, помнится, был самый конец зимы.

– Больно много стала о себе думать, – замечает Грася.

Она вытирает о фартук нож и двигает по столу блюдо с пирогом поближе к Мареку.

– А это вот Чеслава. Чеслава девушка старательная, только немного неловкая. Уйму посуды мне переколотила, – смеется пани Фелиция.

Горничная берет со стола другую чашку и наливает тетушке чая. Про себя Чеслава думает, что Марек похож на избалованного капризного мальчишку, и эти растрепанные русые волосы очень ему идут. Только он какой-то невеселый! Марек то и дело улыбается тетушке, а глаза у него тоскливые, словно с ним случилась беда, и эта беда занимает все его мысли. На вид Мареку лет двадцать или чуть меньше... Чеслава представляет Марека в одних только брючках, голого по пояс. Чеслава стоит перед ним на коленях и протягивает нагайку, а потом ложится на пол ничком и задирает платье. Марек ставит босую ступню Чеславе на шею и прижимает ее лицо к домотканой цветастой дорожке. Чеслава представляет, как нагайка впивается в её голые ляжки и ягодички. Угли похоти тлеют внизу живота и разгораются все ярче и ярче. У Чеславы горит лицо, она улыбается, как дурочка и ничего не может с собой поделаться.

Кипяток льется из чашки в блюдце, а из блюдца на скатерть.

– Опять ворон считаешь? – спрашивает ее Грася.

Чеслава вздрагивает, охает и быстро заворачивает краник самовара.

– Простите, пани Фелиция...

Чеслава кладет салфетку на скатерть, чтобы промокнуть лужицу, наливает чая в другую чашку и ставит перед тетушкой.

– Ты бы знала, Грася, как же я соскучился по твоим пирогам, – говорит Марек, уплетая пирог с визигой. – Во всей Варшаве таких пирогов не найти!

Фиолетовая туча расплылась по небу, словно чернила по промокашке. Золотой закатный свет погас, и в гостиной сразу стало сумрачно. Порывами налетает ветер и треплет стоящие под окнами кусты сирени.

Грася зажигает, стоящую на столе лампу с матерчатым абажуром. Теплый апельсинового оттенка свет заливает гостиную, и сразу мир за оконными стеклами чернеет и становится неразличим, а по углам встают прихотливо вырезанные коричневатые тени.

– Солнце в тучу село, это к дождю, – замечает пани Фелиция.

– Скажите, тетушка, а Катаржину вы давно видели? – спрашивает Марек.

– Давно, – усмехается пани Фелиция и смотрит на Марека поверх чашки с чаем. – Как Катаржина замуж вышла, с тех самых пор я ее и не видала.

– А разве она замуж вышла? – удивляется Марек.

– Твоя Катаржина самая настоящая вертихвостка. Как увидит мужчину в красивой форме и ну, давай, ему глазки строить! Помню, прошлым летом она едва не выскочила замуж за этого... Как его звали, Грася?

– Зденек, – подсказывает ей горничная.

– Да, верно, за пана Зденека. Спору нет, Зденек был хорош собой, разве что малость смахивал на цыгана. Дело уже шло к свадьбе, когда Катаржина узнала, что её Зденек сбежал из полка и за ним водятся немалые карточные долги...

– Так что же Катаржина? – не унимается Марек.

Тетушка не торопясь отпивает еще чаю и ставит чашку на блюде. Её карие глаза весело поблескивают.

– Так вот, слушай, это зимой твоя распрекрасная Катаржина познакомилась в Каргузах с одним офицером, – рассказывает тетушка. – Зовут его Войцех... Да, Войцех Пшевозьник.

– Видный мужчина, – замечает Грася. – И военная форма ему к лицу.

– Да, пан хорош собой, – соглашается тетушка. – Я в этих нашивках и звездочках не разбираюсь, но Катаржина говорила, что пан Пшевозьник майор. Ну так вот, в марте месяце, а весна в этом году была ранняя, помню, снег уже сошел... Значит, в марте месяце, какого числа не скажу, запаматовала, Катаржина и пан Пшевозьник поженились и уехали из Мажене.

Марек охает и кладет кусок пирога с визигой обратно на тарелку.

– А куда уехала?

– К пану Пшевозьнику и уехали, в Каргузы.

– Катаржина все хвасталась, что у Войцеха дом в Каргузах с яблоневым садом, – снова встревает в разговор Грася. – А живут они в пригороде, на улице Францишка Сендзицкого.

– Я не хочу сказать, что пан Пшевозьник Катаржине не пара, – замечает тетушка. – И вовсе он не старый! Пану, наверное, лет сорок, если он и постарше будет, то только самую малость.

– Строгий мужчина, но такой обходительный. Сразу видна военная выправка.

– Вот оно как, – вздыхает Марек, и Чеслава понимает, что он совсем упал духом.

– Да что я же сижу, – поднимается со стула Грася, – Чеслава, милая, а ну, пойдем-ка во двор. Мы с тобой о чем уговорились? Ты верно думала, что я позабыла, раз Марек приехал? А я и верно, позабыла, да только сейчас вспомнила. Пани Фелиция...

– Да-да, ступай, – говорит тетушка, а сама спрашивает Марека. – И что ты в этой Катаржине нашел, скажи на милость? Разве в Варшаве мало хорошеньких панночек?

Долговязая худая Грася поднимается из-за стола, выходит из гостиной, проходит впотьмах через кухню, толкает тяжелую дверь и спускается по широкой лестнице во двор. Чеслава идет следом. Панночка знает, что сейчас её будут пороть, и её душа поет и ликует.

Крытый шифером двор, пристроенный позади теткиного дома, довольно просторный. У дальней стены стоит садовый инвентарь. По левую руку – большие ворота, сейчас запертые на засов, а справа пара чуланов и душевая кабина. Прошлым летом тетушка, послушавшись совета пани Бажены, купила газовую колонку для нагрева воды и наняла в Каргузах бригаду рабочих. Трое панов в синих комбинезонах приехали на другой день спозаранку. Сперва в углу двора они установили поместительный бак из нержавеющей стали и газовую колонку для нагрева воды, а после, уже под вечер собрали из крашенных панелей душевую кабину.

В одном из дощатых чуланов стоят старые ульи и велосипед Марека, а в другом чулане Грася обычно наказывает молоденькую горничную.

Открыв скрипучую дверь, Грася щелкает выключателем, и под потолком загорается лампочка, висящая на обросшем пылью проводе. Оглянувшись на Чеславу, горничная заходит в чулан. Этот чулан хорошо Чеславе знаком. Посреди на дощатом пыльном полу стоит широкая скамья, сколоченная из гладко отесанных некрашенных досок. На скамье лежит старый диванный валик. Возле скамьи стоит оцинкованное ведро с соленой водой. Из ведра торчат черные, очищенные от листьев, прутья. Чеслава останавливается на пороге, ей становится весело и страшно, у нее замирает сердце, и так с ней случается каждый раз, хотя было бы впору привыкнуть.

Долговязая Грася стоит, уперев руки в боки и, невесело улыбаясь, поглядывает на горничную. Чеслава вздыхает. Опустив голову, чтобы Грася не заметила улыбку на её губах, панночка подходит к скамье.

– Ну, сколько можно бить посуду? – спрашивает Грася. – Или ты нарочно взялась меня злить?

– Нет, я не нарочно, – отвечает Чеслава и слышит, как дрожит её голос. – Простите, пани Грася!

– Ты всегда так говоришь, а толку нет! Ну, какое красивое было блюдо? С павлинами, с каретой... И вот, на тебе, пожалуйста, бац – и черепки! Да этому блюду, наверное, было лет сто!

– Простите, пани.

– Дня не проходит, чтобы я тебя не порола! Вот пожалуйста, пани Фелиции, пускай тебя рассчитает.

– Пани Грася, не говорите, не надо! Я так хочу работать в доме пани Фелиции, – умоляет Чеслава. – Я буду стараться! Я ничего больше не разобью!

– Каждый раз одно и то же, – ворчит Грася и вытаскивает из ведра длинный и влажно поблескивающий ивовый прут.

Она пропускает прут через кулак, хлещет им по воздуху и хмуро смотрит на Чеславу.

– Ну, ты чего ждешь?

Чеслава сбрасывает с ног туфельки и ложится ничком на скамью. Диванный валик, обтянутый рогожкой, она пристраивает под бедра так, чтобы ягодицы были немного отклячены, приподняты над скамьей, и Грасе было удобнее ее пороть. Обеими руками она задирает подол длинного темного платья, а потом стаскивает с маленьких ягодиц трусики и стягивает их вниз по ляжкам.

Грася стоит возле скамьи и играет прутом в руке. На белой круглой попке Чеславы она замечает побледневшие следы, оставшиеся от давешней порки.

– Впредь не смей бить посуду, – говорит Грася сердито. – И не спи на ходу.

– Пани Грася, я больше не буду, – обещает Чеслава. – Честное слово!

Грася отводит назад руку с прутом. Чеслава лежит на скамье ничком, закрыв глаза. Розга тонко и страшно свистит в воздухе и впивается в гладкую белую кожу.

– Ах... – чуть слышно стонет Чеслава и вытягивается на скамье.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обернувшись, Марек смотрит промеж сосновых стволов на стоящий неподалеку дом пани Фелиции, сложенный из потемневших от времени бревен, с двускатной крышей и круглым чердачным окошком. Из кирпичной трубы стелется синеватый дымок. В палисаднике мокнут под дождем кусты сирени. Сегодня Марек собирался встать пораньше, позавтракать и съездить на велосипеде в Картузы, повидаться с Катаржиной. Но когда он проснулся, по оконным стеклам стучали капли дождя, а небо было сплошь затянуто тучами, и было понятно, что дождь скоро не кончится, и будет идти весь день напролет.

От того, что Марек вчера наврал тетушке с три короба, у него на душе скреблись кошки. Марек не сомневался, что рано или поздно пани Фелиция узнает правду, но сейчас у него не хватало духа рассказать тетушке все, как есть. Сунув руки в карманы старенького плаща, Марек бредет по сосновому бору и пинает шишки. Присыпанная толстым слоем хвои земля пружинит у него под ногами. Волей-неволей уже в который раз он вспоминает тот злополучный день в университете.

Пожалуй, стоит начать с того, что в прошлом году Марек поступил в Варшавский университет на факультет журналистики. Обучение стоило недешево, но пани Фелиция надеялась, что, получив диплом, племянник сможет найти для себя работу в столице. В конце лета Марек уехал в Варшаву, он поселился в студенческом общежитии неподалеку от центра. Чудесный старый город совершенно околдовал Марек. Этот город не давал ему покоя, он мерцал огнями, дразнил Марек и кружил ему голову. На мостовую ложились лимонного цвета кленовые листья, в осенней мгле уютно горели окна кофеен, звенели трамваи, пропадая в акварельных сумерках, и петляя, текла под мостами медлительная Висла. А потом началась зима, и хлопьями повалил снег, и Варшава стала похожа на елочную игрушку, на тот волшебный стеклянный шар, который стоило потрясти рукой, и сразу поднималась метель и засыпала маленькие домишки и деда мороза с посохом и мешком подарков. Марек чудом сдал зимнюю сессию, потом он простыл и провалялся с температурой и кашлем пару недель, а потом в Варшаву как-то сразу пришла весна. Кроме профильных и общеобразовательных дисциплин в университете был такой обязательный предмет, как физкультура. От занятий по физкультуре студенты отлынивали, как могли, и декан смотрел на это сквозь пальцы. Но зачет хочешь не хочешь, а нужно было получить, иначе студента попросту не допускали к сессии. И вот, в один из последних майских дней Марек напялил на себя спортивную форму и отправился в спортивный зал.

Педагогом по физкультуре была Ева Анджеевич – жена декана пана Кароля. Стоит Мареку закрыть глаза, и он ясно видит спортивный зал в новом корпусе университета, крашенные бледно-зеленой краской стены и затянутые сеткой узкие окна под потолком. Посреди зала стоит пани Анджеевич в темно-синих спортивных шортах и белой футболке с гербом Варшавского университета. На гербе – расправивший крылья орел с короной, вокруг орла нарисованы пять звезд, а сверху и снизу написано полукругом – **ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**. У пани Анджеевич медовые глаза, густые каштановые волосы, стянутые в лошадиный хвост и упрямый подбородок с ямочкой.

– Признаться, многих из вас я вижу в первый раз, – улыбается Ева Анджеевич и обводит взглядом стоящих полукругом студентов. – Но я всё понимаю! У вас полдюжины профильных дисциплин, лекции, рефераты, коллоквиумы, а тут еще полная соблазнов Варшава, само собой, выкроить время для занятий физкультурой не получается.

Марек любит длинные мускулистыми ногами пани Анджеевич. Кожа у Евы на удивление смуглая, бронзового оттенка, и Мареку приходит в голову, что пани всю зиму ходила в солярий. У Евы широкие бедра, маленькая грудь и ослепительная улыбка.

– Итак, что я от вас хочу. Первое – подтягивание на турнике, для барышень пять раз, для молодых людей – десять. Второе – прыжок через козла. Третье – канат. И потом бег. Вот, собственно, и все.

Ева Анджеевич смотрит смеющимися глазами на стоящих перед ней первокурсников, потом оглядывается на гимнастического козла, делает шаг – другой и переходит на бег трусцой. Подошвы её спортивных тапочек легко стучат по крашеному полу. Ева подбегает к козлу, подпрыгивает, упирается руками в корпус гимнастического снаряда и разводит ноги в стороны.

– Хоп! – говорит негромко пани Анджеевич и перепрыгивает через козла.

Студенты нестройно хлопают в ладоши.

– Спасибо, но это несложно, – говорит Ева Анджеевич, сверкая белозубой улыбкой. – А вот для лазания по канату нужен навык, да и мышцы должны быть тренированными. Я покажу, как это делать. Подойдите ближе...

Пружинистой бодрой походкой пани Анджеевич направляется в угол зала. Под свисающим с потолка толстым канатом на полу лежит спортивный мат. Переговариваясь в полголоса и посмеиваясь, студенты идут следом. Марек украдкой поглядывает на ножки панночек. Сколько раз Марек мысленно раздевал их взглядом, когда шел следом по гулкому коридору мимо закрытых дверей аудиторий. Сегодня на занятии физкультурой все студентки из его группы были в спортивных шортах. У многих панночек ноги оказались худыми, как палки, а у других были толстые и ровные, словно сардельки. Нет, конечно, Марек нашел парочку красивых стройных ножек с тонкими щиколотками и узкими коленками, но Ева Анджеевич выигрывала в этом конкурсе с космическим счетом.

– Для того чтобы лазить по канату нужно попеременно использовать руки и ноги, – объясняет пани Анджеевич. – Сперва вы хватаетесь за канат руками и подтягиваетесь. А потом сжимаете канат ногами и перехватываете руки выше и снова подтягиваетесь... Вот так... Смотрите, ничего сложного! И еще раз...

И Ева Анджеевич непринужденно и легко поднимается по канату к потолку. Марек стоит, задрав голову, и смотрит, как под гладкой бронзовой кожей ходят мышцы, он не может оторвать взгляда от рельефных икр и крепких ляжек пани Анджеевич. Его член поднимается и топорщит шорты, приходится прикрыться руками.

Поднявшись по канату на самый верх, пани Анджеевич хлопает ладонью по потолку.

– Всем понятно? – спрашивает она и смотрит вниз на студентов. – Кто-нибудь хочет попробовать?

После зачета Марек выходит из раздевалки последним, он спускается по трем ступенькам и заглядывает в приоткрытую дверь спортивного зала. Пани Анджеевич о чем-то разговаривает со студенткой. Студентку, если Марек не путает, зовут Злата. Эта невысокая и полная панночка со светлыми как солома волосами, собранными в два хвостика, словно у школьницы. Марек тогда еще подумал, что ей только бантиков не хватает. Положив мускулистую смуглую руку Злате на плечо, Ева ведет студентку к дверям спортивного зала. Вдохнув, Марек уходит. Он поднимается по степеням и, распахнув тяжелую двустворчатую дверь, проходит через холл. Он останавливается возле окна и стоит, ничего толком не видя перед собой. Мареку не дает покоя мысль, что сейчас, в эту самую минуту Ева Анджеевич сидит сейчас на скамейке в раздевалке, она уже сняла спортивные шорты и теперь стаскивает через голову майку с гербом Варшавского университета. Эрегированный член Марек топорщится в штанах. С тоской Марек оглядывается по сторонам – в сумрачном холле он один, только с лестницы, ведущей на второй этаж доносятся приглушенные голоса. Тогда Марек возвращается к высокой двустворчатой двери с матовым стеклом, за которой находятся раздевалки и спортивный зал. Шагнув за порог, он проходит по короткому коридору и останавливается возле женской раздевалки. Марек берет за ручку и, надеясь, что дверь не скрипнет, самую малость её приоткрывает

так, чтобы можно было заглянуть в шелку. Марек ничего не может с собой поделывать, ему до чертиков хочется увидеть Еву Анджеевич голой.

Прижавшись щекой к дверному косяку, Марек одним глазом заглядывает в женскую раздевалку. Это прямоугольное помещение со стоящими вдоль стен шкафчиками, кафельным полом, выложенным черной и белой плиткой, как шахматная доска и двумя лавками, стоящими посередине. Под потолком горят лампы дневного света, на одной из лавок сидит пани Анджеевич в узеньких черных трусиках и майке с гербом университета.

Возле лавки, понури голову, стоит Злата.

– Вы же видели, я не могу залезть на этот чертов канат! У меня руки соскальзывают, – со слезами в голосе жалуется студентка.

– Вам нужно больше тренироваться, Злата, – замечает Ева Анджеевич.

– Но пани Анджеевич, на той неделе начинается сессия. Если я не получу зачет, меня попросту не допустят до экзаменов.

– Вам следовало ходить на мои занятия в течение года. Впрочем, если у вас не получается залезть на канат, попробуйте сдать мне другой зачет.

– Какой еще зачет? – спрашивает Злата с надеждой.

Ева Анджеевич улыбается Злате и раздвигает свои крепкие загорелые ножки. Опираясь одной рукой о скамью, она откидывается немного назад. Другую руку пани Анджеевич опускает между бедер и сдвигает в сторону узкие черные трусики. Стоя на пороге женской раздевалки, Марек видит белый пах Евы Анджеевич, её коротко побритые лобковые волосы и припухшие и приоткрытые половые губки.

– Вам всего-то нужно немного поработать язычком. Уверяю вас, пани, это гораздо приятнее, чем лазить по канату.

– О господи... – шепчет Злата и прижимает ладони к пылающему лицу. – Нет, вы не можете так со мной поступить! Это гадко! Это... В конце концов...

– Так вам нужен зачет или нет? – хмурится пани Анджеевич.

– Да, мне нужен этот чертов зачет, – всхлипывает Злата. – Но я не стану этого делать. Я порядочная девушка!

– Ну, тогда ступайте в зал и лезьте на канат.

– Вы пользуетесь моим безвыходным положением! Как вы можете... Как же это... – у Златы из глаз катятся слезы.

– Не понимаю, почему вы на меня обижаетесь, – удивляется Ева Анджеевич. – Ведь я просто пыталась вам помочь. Я подумала, что будет глупо вылететь из университета из-за какого-то дурацкого зачета по физкультуре. Правда же, глупо?

Злата кивает и утирает слезы рукой.

– И потом это же не бог весть что, – продолжает Ева Анджеевич, глядя на панночку с улыбкой. – Многие мужчины были бы счастливы оказать мне любезность такого рода. Решайте быстрее, Злата. Скоро за мной зайдет муж, и мы уйдем обедать.

– Я никогда не делала этого раньше, – говорит Злата чуть слышно, глядя в пол.

– Я вас научу, – обещает Злата. – Но, если вы хотите получить сегодня зачет не стоит терять попусту время.

Не поднимая головы, Злата подходит к Еве Анджеевич. Чуть помедлив, она опускается на колени. В синевато-белом люющем с потолка свете гладкие бедра пани Анджеевич поблескивают, словно покрытые лаком. Ева Анджеевич кладет свою крепкую бронзовую от загара руку панночки на затылок...

Возбуждение захлестывает Марека, словно приливная волна. Ему становится нечем дышать. Помещение раздевалки с шахматным полом, залитое холодным люминесцентным светом качается и плывет у него перед глазами. Марек выпускает из рук дверную ручку, и дверь в раздевалку начинает медленно открываться. Плечи пани Анджеевич вздрагивают от протяж-

ного скрипа дверных петель. Она поднимает голову и видит Марека, стоящего на пороге раздевалки. Глаза Евы Анджеевич широко распахиваются, она отталкивает от себя Злату, и панночка падает на пол. Марек успевает увидеть удивленное и испуганное лицо студентки и её блестящие губы. Придя, наконец, в себя Марек захлопывает дверь раздевалки. Он пятится по коридору и вдруг налетает спиной на какое-то препятствие. Испуганно охнув, Марек оборачивается. За его спиной стоит декан факультета журналистики пан Кароль, он же муж Евы Анджеевич. От возмущения у пана Кароля топорщится борода.

– Потрудитесь объяснить, пан Дембицкий, что вы здесь делаете?! – спрашивает декан, нависая над Марексом, словно утес.

Марек горько усмехается, глядя сквозь ветки на мокнувшее под дождем село на том берегу реки. Он хорошо помнит, какую форменную истерику закатила Ева Анджеевич, выскочив следом за Марексом из женской раздевалки. Со слов пани Анджеевич выходило, что Марек подглядывал, стоя за дверью, пока она и Злата переодевались. Пан Кароль был взбешен. Сперва он хотел поколотить Марека, а после заявить в полицию. Но Ева, улыбаясь, словно ангел нашептала ему что-то на ушко, и судьба Марека была решена.

Марек и сам не заметил, как прошел сосновый бор насквозь и вышел к реке. В селе ему делать нечего, теперь Катаржина там не живет. Марек вздыхает и идет вниз по раскисшей от дождя проселочной дороге. Скоро река превращается в запруду, и Марек, недолго думая, сворачивает на старую дамбу. Дамба заросла репейником и крапивой, чтобы не соврать, в рост человека. По ней мало кто ходит, и тропинка едва угадывается в траве. Возле заброшенной мельницы Марек в растерянности останавливается. Он и сам не знает, зачем сюда пришел.

Сложенная из тесаного камня мельница похожа на невысокую башенку. У нее два этажа и островерхая кровля, крытая камышом и глиной. Одна створка ворот распахнута настежь, покосилась и углом ушла в землю. Вторая чуть приоткрыта. В помещение первого этажа сквозь маленькое оконце льется скудный свет непогожего летнего дня. Марек видит мельничные жернова из песчаника и большую проржавелую шестерню, посаженную на ось, проходящую сквозь внешнюю каменную стену. Вдоль другой стены на второй этаж ведет узкая лестница. Снаружи мельницы Марек видит сарай с провалившейся крышей, стоящий в кустах ольхи. Марек подходит ближе к распахнутым воротам. Теперь он слышит, как громко шумит сток запруды, по которому бежит в овраг за дамбой речная вода. Тяжелое мельничное колесо, собранное из двух металлических ободьев и дюжины выструганных из дуба лопаток, медленно вращается в речной воде. Рядом с мельничным колесом сооружен для какой-то надобности деревянный мосток.

Недолго думая, Марек заходит в распахнутые ворота мельницы. Он видит сор и бурую прошлогоднюю листву, лежащую на дощатом полу. У стены стоит стол, с заросшими грязью площадками и черепками, а в углу свалены мешки со сгнившим зерном, покрытые пятнами плесени и поросшие худосочными поганками. На второй этаж никак не подняться, поперек лестницы лежит тяжелый с виду ларь, да и сама лестница выглядит не очень-то надежной.

Марек обходит жернова и останавливается возле окна. Из окошка мельницы ему видно всё тоже – запруда, изгиб реки, село на косогоре, всё это похоже на серенький набросок карандашом.

Варшава осталась где-то далеко, сгинула в серой дымке дождя, словно в жизни Марека и не было никогда этого сказочного старого города. Марек стоит, привалившись плечом к стене, и грезит наяву. Он видит сидящую на лавке пани Анджеевич. Её голые мускулистые ноги раздвинуты в стороны. Марек опускается на колени на уложенный черной и белой плиткой пол в женской раздевалке. Он видит гладкий бронзовый живот Евы и её белый пах, и черные вьющиеся лобковые волосы.

– Тебе нужно сдать зачет, – смеется Ева и лукаво смотрит на Марека. – А иначе тебя не допустят к сессии.

Марек не может с собой совладать. Он расстегивает пуговицу на поясе брюк и ширинку и лезет рукой в трусы. Его горячий эрегированный член будто сам прыгает в руку.

Марек словно находится в двух местах сразу – стоит возле окна в заброшенной мельнице и пытается сдать зачет по физкультуре Еве Анджеевич в далекой Варшаве.

Пани Анджеевич кладет ему руку на затылок и заставляет его прижаться лицом к своей промежности. Уши Марека касаются гладких ляжек Евы. Он трется лицом о лобковые волосы пани Анджеевич. Марек впивается губами в распухшие приоткрытые половые губки Евы. Марек целует её вульву, его язык проникает между губок в солоновато-сладкую и вязкую смазку. Он слышит, как Ева хрипло смеется и стонет. Её сильные пальцы ерошат Мареку волосы и впиваются в затылок.

Член дергается у него в руке и выстреливает семенной жидкостью. Марек коротко и неразборчиво вскрикивает каким-то чужим, непохожим на свой, голосом.

Привалившись спиной к стене, он медленно сползает на пол.

– Ева, – бормочет Марек чуть слышно. – Ева...

Его семя словно лужица жидкого жемчуга лежит на пыльном дощатом полу. Минуту-другую Марек сидит в забытьи. Мелкий, как крупа дождь залетает в оконный проем и сыплет ему на лицо. А потом сквозь навалившуюся дрему он слышит чей-то протяжный стон. Словно кто-то проснулся от очень долгого и тяжелого сна. Марек слышит этот стон, так явственно, будто тот, кто стонет, сидит рядом с ним на расстоянии вытянутой руки. Марек поднимается на ноги и испуганно оглядывается по сторонам. Но на заброшенной мельнице никого нет, только серые тени как паутина развешаны по углам, да шуршит по крытой камышом крыше нескончаемый дремотный дождь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Над старым шоссе, идущим через лес, висит влажная дымка. В прорехи между тучами льется красноватый солнечный свет. Потрескавшийся асфальт, мокрый после вчерашнего дождя, просыхает на глазах. В лужах по обочинам шоссе поблескивает утреннее солнце. Марек едет на велосипеде в Картузы, он крутит педали и чувствует, как по спине бегут струйки пота. Лес вскоре кончается, и Марек въезжает в городок. Дорога незаметно превращается в улицу. Сперва по обочинам тянутся бревенчатые избы и забытые зеленью палисадники, их сменяют вросшие в землю каменные дома, построенные, наверно, еще в прошлом веке, а ближе к привокзальной площади появляются аккуратные, сложенные из красного кирпича домики на несколько квартир в два и даже три этажа. Марек останавливается возле тротуара и спрашивает пожилого пана с пышными седыми усами и стопкой газет под мышкой, как найти улицу Францишка Сендзицкого. Получив подробные, правда, немного путанные указания, Марек сердечно благодарит пана и катит себе дальше. Он проезжает мимо треугольной площади с фонтаном, мимо кафе, галантерейной лавки и немного обветшалого здания вокзала. За вокзалом Марек сворачивает на переезд и ждет, пока мимо пройдет товарный состав. Наконец, шлагбаум поднимается, и следом за груженым молочными канистрами грузовиком Марек переезжает железную дорогу по громыхающему дощатому настилу. Оказавшись на маленькой, тонущей в зелени улочке Марек видит водоразборную колонку, стоящую на обочине. Он подходит, прислоняет к ограде велосипед и наваливается обеими руками на рычаг. Из носика колонки в землю бьет тугая струя воды. Напившись, Марек утирает рукавом лицо. Он оглядывается по сторонам и замечает двух тетушек, сидящих неподалеку на скамейке. Взяв велосипед за руль, Марек подходит ближе.

– Доброго вам утречка, – говорит Марек, обаятельно улыбаясь, – вы не подскажете, как мне найти улицу Францишка Сендзицкого?

Тетушки переглядываются, а потом одна, та, что в панамке отвечает Мареку,

– Это пан, и есть улица Францишка Сендзицкого.

– Вот как! А где дом пана Пшевозьника, вы часом не знаете?

– Это который военный? – спрашивает, хитро поглядывая на Марека, тетушка в панамке.

– Он самый, – кивает Марек. – Войцех Пшевозьник его зовут. И он вроде как майор.

– У нас тут один Войцех, – кивает другая тетушка. – А жена у него совсем молоденькая и хорошенькая, как картинка. Ты, пан, поезжай прямо по улице. Вон его дом-то, вон тот с красной крышей.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы жаркое, выглянувшее промеж туч солнце не слепило глаза, Марек смотрит вдоль улицы и видит неподалеку красную черепичную крышу.

Он благодарит тетушек и решительно направляется к дому майора Пшевозьника. Однако уже возле калитки вся решительность Марека оставляет. Катаржина теперь замужем, и о чем и как с ней разговаривать, Марек толком не понимает. Пару лет назад он был без ума от этой панночки, но любовь прошла, как проходит, скажем, ангина или ветрянка. Но Марек и Катаржина остались друзьями. Да чего уж там, Катаржина – это единственный друг, который был у Марека в Мажене.

В конце концов, Марек решается. Он откидывает деревянную щеколду, толкает калитку и заходит за ограду. В небольшом саду возле дома стоят ухоженные яблоньки с белеными стволами. Трава аккуратно скошена. Дорожка под ногами присыпана галечным камнем. Марек подходит к крыльцу, прислоняет велосипед к стене. Он заправляет в брюки выбившуюся рубашку, стряхивает с колена прилипшую соломинку и поднимается по ступенькам. Стучится в дверь.

Откашливается в кулак. Заглядывает в украшенное резным наличником окно, но шторы с лиловыми пионами задернуты, и что происходит в доме Мареку не видно.

Подождав еще немного, Марек снова стучится. Потом наклоняется к двери и прижимается ухом к крашеным доскам – не слышно ли шагов? Но в доме пана Пшевозьника все тихо.

Марек пожимает плечами. Он спускается с крыльца, берет велосипед за руль, и хочет уже уйти, но тут щелкает замок, и дверь распаивается. Катаржина стоит на пороге босая, в ситцевом домашнем платице. Её соломенные волосы растрепаны, глаза блестят. Увидев Марека возле крыльца, Катаржина радостно ему улыбается, и на ее щеках появляются те самые ямочки, которые сводили Марека с ума.

– Стало быть, вы живете у тетушки в Мажене? – спрашивает Марека муж Катаржины майор Пшевозьник.

– Верно, пан Войцех, – кивает Марек, – только не в самом селе, а чуть подальше, за речкой.

– Там в сосновом бору дачный поселок, – объясняет мужу Катаржина. – И эти дачи тоже называются Мажене.

Панночка ставит на стол глубокие миски, покрытые голубой глазурью. По мискам раскладывает крошку, сдобривает сметаной и щедро поливает темным домашним квасом.

– Я всю зиму жил в Варшаве и только на днях приехал, – рассказывает Марек, поглядывая то на Катаржину, то на её мужа. – Это тетушка мне рассказала, что Катаржина вышла замуж и живет теперь в Картузах. Вот я и решил заглянуть в гости. Смотрю, дождя сегодня нет, дорога немного просохла, ну, я сел на велосипед и поехал...

Майор слушает Марека, кивает и с завидным аппетитом ест крошку. У пана Пшевозьника широкое гладко выбритое лицо. От глаз к вискам разбегаются веселые лучики морщин, а сами глаза маленькие, глубоко сидящие в глазницах. Черные с проседью волосы подстрижены «ежиком». Одет майор просто, по-домашнему, в старые галифе и белую майку.

– А вы, пан, позвольте узнать, кем служите? – интересуется майор. – Хотя, постойте-ка, дайте угадаю... На военного вы никак не похожи. Простите, но выправки у вас нет.

Марек смеется и разводит руками, как бы соглашаясь с паном Пшевозьником.

– Вы студент! – решает майор и показывает на Марека крепким пальцем. – А учитеесь, наверное, на юриста... Нет, не то, отставить... Журналистика? Верно я угадал?

– В десятку, пан, – смеется Марек. – Журналистика.

И хотя Марек смеется, на душе у него тоскливо. Он вспоминает, как вечером пару дней назад сошел с автобуса на повороте шоссе возле села и, спустившись по косоугору, остановился на мосту через речку. Он стоял, привалившись к поручням, смотрел на бегущую к запруде зеленоватую речную воду и пытался представить, какими словами расскажет тетушке о том, как бесславно окончилась его студенческая жизнь в Варшаве.

Как ни крути, какие слова не подбирай, все одно – выходило скверно. И тогда Марек решил и вовсе ничего тетушке не рассказывать. А на случай, если пани Фелиция захочет взглянуть на его зачетную книжку, Марек сочинил байку про то, как его обокрали в поезде. Он спихнул с моста свой старенький картонный чемодан, стоял и смотрел, как тот сперва плывет вниз по реке, а потом набирает воды и идет ко дну.

– Я такой человек, вижу людей насквозь, – замечает пан Пшевозьник и отодвигает в сторону пустую миску.

– Bravo! – хлопает в ладоши Катаржина.

Панночка не садится за стол, она стоит возле окна, и ее пшеничные рассыпанные по плечам волосы горят в полуденном свете.

- Какой квас у вас чудесный, – нахваливает Марек, зачерпывая крошку из миски.
- Да, квас недурен, – соглашается майор. – Это мне кум хорошего сула привез.
- А как вам крошка? – спрашивает Катаржина.

И Марек, и пану Пшевозьнику крошка пришлось по душе.

– Наверное, Картузы – это не лучшее место для молодой жены, – задумчиво говорит майор. – Конечно, воздух здесь чистый и тихо, как на погосте, вот только по утрам петухи поют. Но какая в Картузах светская жизнь спросите вы? А я вам отвечу, никакой! Мы живем в глуши, в самом настоящем медвеьем углу. И тут уж ничего, как говорить, не попишешь.

– А мне здесь нравится, милый, – говорит Катаржина серьезно. – Правда, нет озера, как у нас в Мажене.

Панночка уносит пустые миски, смахивает со стола крошки полотенцем и опять замирает у окна. У Катаржины блестят глаза, а со щек не сходит румянец. Она кажется Мареку взволнованной и веселой.

– Радость моя, а завари нам по чашке кофе, – просит жену Войцех Пшевозьник. – Ты знаешь, я страсть как люблю выпить после трапезы кофе.

Катаржина молча улыбается мужу и идет на кухню.

– Вот что я вам скажу, пан, – продолжает майор, откинувшись на высокую спинку стула. – В обхождении с женщинами, а тем паче с хорошенькими и взбалмошными девицами необходима строгость. Да-с, без строгости никак нельзя! Ежели всегда прощать, на все капризы закрывать глаза и гладить по головке, то кончится всё большой бедой. Уж вы мне поверьте! Женщине нужна твердая рука, вот что я вам скажу! Бывает, нужно задать женушке хорошую трепку. Что же, без этого никак нельзя... Женщины, они на самом деле ценят строгое обращение. Уж такова их природа. Без этого женщины становятся вертихвостками и истеричками.

– Спасибо за совет, пан, – кивает Марек.

– Вспомните мои слова, когда женитесь.

– Непременно, – Марек поднимается из-за стола. – Послушайте, а где у вас...

– Пойдете по коридору, по правой стороне будет дверь. В самом конце.

Марек выходит в коридор, делящий дом на две части. Под его ногами скрипят половицы, жужжит и бьется в оконное стекло полосатая оса. Где-то на улице хрипло брёт пес. Марек замечает неплотно прикрытую дверь и толкает её. Дверь, тихо скрипнув, распаивается. Марек понимает, что ошибся, но стоит на пороге и не уходит. Комната невелика и освещена приглушенным зеленоватым светом, льющим из окошка. Окно словно занавеска закрывает плющ, вьющийся по стене дома. Посреди комнаты стоит один предмет интерьера хорошо Мареку знакомый. Это козлы для порки, сколоченные из некрашеного бруса, с лежаком из гладко ошкуриванной доски, обтянутой кожей. Мареку становится нечем дышать. Он медленно, словно боясь упасть, делает шаг через порог и обходит козлы кругом. К ножкам козел прибиты узкие кожаные ремешки. На полу там и сям валяются поломанные прутья.

А под окном стоит кадка с розгами. В бревенчатую стену вбиты крючки, на крючках висят кожаные ремни, ротанговые трости разной толщины и хлыстик вроде тех, что используют на манеже. А еще Марек видит лежащую подле козел стоптанную туфельку и вспоминает, что Катаржина ходила по дому босой.

Он уже хочет уйти, но тут на стоящей подле стены конторке замечает журнал в черном коленкоровом переплете. Марек видит овальную рамку на обложке, а в рамке надпись курсивом – *дисциплинарный журнал*. Он нерешительно оглядывается на дверь в коридор, качает головой, но все же берет в руки журнал и раскрывает где-то посередине. Марек знает, что такое «дисциплинарный журнал». В прежние годы пани Фелиция тоже вела такую книжицу, куда записывала каждую провинность племянника.

Страницы журнала разлинованы и поделены на три столбца. Первый узкий столбец отведен для дат. Над вторым столбцом Марек читает – *характер провинности* и быстро сверху

вниз проглядывает весь список – *капризы... дерзость... дерзость... неряшливо одета... намывная посуда... ложь...* Марек просматривает третий столбец – *25 розог... 50 розог... 10 ударов ротанговой тростью... 25 ударов ремнем...* и так далее. *Мера наказания* – вот как подписан этот столбец в журнале, и Марек хорошо это помнит.

Он принимается листать журнал, пока не находит сегодняшнюю дату. Во втором столбце Марек читает – *поздно проснулась, не успела приготовить завтрак*, а в третьем – *25 розог*.

Марек закрывает журнал и кладет на конторку. Теперь он понимает, почему так долго ждал на крыльце, пока ему не открыли, и почему Катаржина ни разу не присела, покуда они с паном Войцехом ели крошку.

Марек выходит из комнатки и сталкивается в коридоре с Катаржиной.

– Я, кажется, заблудился, – говорит Марек, чувствуя, как от смущения у него горит лицо.

– Марек, а ты не видел мою туфельку? – спрашивает Катаржина, глядя на него в упор смеющимися глазами. – Я её все утро ищу и никак не могу найти.

– Видел, – кивает Марек, и отступает в сторону, чтобы панночка могла зайти в комнату. – Вон, на полу лежит.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пани Фелиция в темном платье, накинув на плечи вязаную шаль, стоит возле ограды и смотрит, как по тропинке через заросшую сорной травой пустошь ходко идет человек в черной форменной курточке с сумкой почтальона на боку. Тетушке становится тревожно, ей кажется, что все это с ней уже было однажды. Она уже стояла вот так возле палисадника и смотрела, как почтальон с сумкой на широком ремне выходит из соснового бора и идет по тропинке к дому, вот он подходит все ближе и ближе, а потом... Потом случилось что-то очень плохое, но что именно тетушка никак не может вспомнить. Немного помучившись, пани Фелиция решает, что всё это сущий вздор.

Почтальон останавливается возле ограды и сдвигает фуражку на затылок.

– Добрый день, пани.

У него тусклый усталый голос. Сам пан высок ростом и худощав, с длинными, как у обезьяны руками. И лицо у него тоже длинное и бледное с темными, будто жеваными подглазьями.

– Вам телеграмма из Варшавы. Будьте добры, распишитесь.

Почтальон протягивает пани Фелиции бланк и ручку.

У пани Фелиции тревожно екает сердце.

– Какая еще телеграмма? – спрашивает тетушка, расписываясь.

Почтальон только пожимает плечами. Он забирает у пани Фелиции бланк и вручает телеграмму.

– У вас нет корреспонденции для отправки? – интересуется почтальон.

Но пани Фелиция никому писем не пишет, и почтальон уходит восвояси.

Стоя возле ограды пани Фелиция читает телеграмму, потом перечитывает еще раз. С застывшим лицом она смотрит на сосновый бор, где в сумраке между стволов еще мелькает узкая спина почтальона в черной форменной куртке.

– Нет, это какая-то ошибка, – говорит тетушка тихо.

С телеграммой в руке она поднимается на крыльцо и быстро заходит в дом.

– Когда ближайший автобус в Картузы? – спрашивает она Грасю, которая моет полы в гостиной.

Грася принимается искать в ящике буфета книжечку с расписанием автобусов, а пани Фелиция отправляется к себе в спальню, чтобы переодеться для поездки в город.

– Автобус будет ровно в три часа пополудни, – говорит Грася, заглядывая в теткинскую спальню. – А следующий без четверти четыре.

– Спасибо, Грася. – говорит тетушка. – Если поспешу, я, пожалуй, успею на трехчасовой.

– Возьмите зонт, а то еще, неровен час, дождь пойдет, – советует Грася. – Вот смотрите, опять туча заходит!

Подумав немного, пани Фелиция все же берет зонт, надевает короткие резиновые сапожки и спускается с крыльца.

– Варшава на проводе, – громко объявляет телефонистка. – Пани, пройдите в третью кабинку.

На телефонной станции кроме пани Фелиции и телефонистки – ни души. Это старое, еще довоенное здание – сводчатый беленый потолок, арочные окна, забранные снаружи решетками, на полу потрескавшаяся темная плитка. С одной стороны зала – обшитая деревянными панелями стойка, над стойкой стекло с окошками, а напротив – три кабинки с телефонами.

Пани Фелиция ждет в одиночестве на скамейке. Услышав голос телефонистки, тетушка поднимается, поправляет платье и с сумочкой в руках проходит в третью кабинку. Она закрывает за собой дверь с матовым стеклом и снимает трубку с рычага.

– Соединяю, ждите, – слышит пани Фелиция голос телефонистки.

В трубке слышится треск, потом что-то воет, будто ветер в степи. Пани Фелиция нетерпеливо постукивает сапожком по плиткам пола. Приоткрыв дверь, тетушка выглядывает в зал и видит макушку телефонистки, торчащую из-за стойки. С улицы в арочные окна льется рыжий вечерний свет. Но вот туча находит на солнце, и в помещении телефонной станции становится сумрачно.

– Варшава на проводе, – говорит телефонистка пани Фелиции прямо в ухо.

Тетушка испуганно вздрагивает.

В трубке что-то щелкает.

– Пан Кароль у аппарата. Слушаю, – неожиданно отчетливо и громко раздается в динамике трубки низкий мужской голос.

– Кто? – переспрашивает, растерявшись, пани Фелиция.

– Максимилиан Кароль. Декан факультета журналистики. С кем имею честь, сударыня?

– Пан Кароль, доброго вам вечера, – тетушка знает, что от волнения она начинает тараторить, поэтому нарочно пытается говорить медленнее. – Это пани Дембицкая вас беспокоит. Фелиция Дембицкая. Я опекунша Марека...

– Кгхм...

– Сегодня я получила телеграмму из Варшавы, – продолжает пани Фелиция. – Я не все поняла... В телеграмме сказано, что Марека исключили из университета. Телеграмма подписана деканом Максимилианом Каролем. Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?

– Нет, ошибки нет, – категорично отвечает декан, и в груди у пани Фелиции словно обрывается что-то, наверное, последняя ниточка надежды.

– Ох! – вздыхает пани Фелиция и прислоняется к стене кабинки.

Ей хочется присесть.

– Вашего племянника Марека Дембицкого отчислили из университета за аморальное поведение, – говорит пан Кароль.

Голос у него становится скучливым и каким-то бесцветным.

– Объясните мне, наконец, что случилось? – спрашивает испуганно тетушка.

– Марек Дембицкий – вуайерист, пани Фелиция. Это такое сексуальное отклонение, если угодно. Ваш племянник подглядывает за женщинами.

– Да что вы говорите такое! – возмущается тетка. – Мой Марек...

– Так оно и есть, пани Фелиция, вы уж мне поверьте. Многие мальчики подглядывают за женщинами, но, как правило, с возрастом это проходит... Я сам, лично застал Марека Дембицкого, когда тот подглядывал за моей супругой в женской раздевалке. Признаться, и раньше в студенческом общежитии случались скандалы, связанные с подобными выходками вашего племянника, но я закрывал на это глаза. Однако чаша терпения переполнилась.

– Но что же мне делать, пан Кароль? – спрашивает в отчаянии тетушка.

– Возможно, вашему племяннику поможет толковый психиатр. Ну, или хорошая порка. А может, стоит попробовать и то и другое.

– Но скажите, пан Кароль, нельзя ли восстановить Марека в университете, когда этот случай забудется... Скажем, на другой год он мог бы вернуться?

– Пока я декан факультета журналистики, это исключено. Ваш племянник – вуайерист, и ему не место в овеванных славой стенах нашего учебного заведения.

Пани Фелиция вздыхает. Ей не хочется верить Максимилиану Каролю, но тут ей на память приходит один случай, когда Марек подглядывал за панночками на озере, и его пришлось наказать крапивой, и еще один случай, и еще...

– У вас остались ко мне вопросы? – интересуется декан.

Тетушка молча сжимает телефонную трубку в руках.

– Пани Фелиция?

– Нет, пан, у меня нет больше вопросов, – холодно отвечает пани Фелиция, – спасибо, что уделите мне время.

Тетушка вешает трубку на рычаг и с каменным лицом выходит из телефонной будки. Она быстро проходит через холл, толкает тяжелую дверь с дребезжащим мутным стеклом и останавливается на ступеньках. Пани Фелиция достает из сумочки платок и вытирает выступившие на глазах слезы. Её всю трясет от возмущения, она ужасно злится на Марека из-за его глупого вранья и из-за всей этой дикой истории, случившейся в университете. Пани Фелиция думает, что ей нужно выпить сердечных капель и еще не забыть сказать Грасе, чтобы та нарезала свежих розог.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На железнодорожном переезде Марек едва не сбивает какого-то пана, а потом сам чудом не попадает под грузовик. Решив, что добром это не кончится, Марек сворачивает на привокзальную площадь и останавливает велосипед возле фонтана. Фонтан не очень велик, круглая чаша отлита из бетона, серебряная краска облупилась и местами облезла. Посреди чаши установлена скульптурная группа в виде двух толстых зеленоватых рыбин. У рыб бессмысленные пучеглазые морды. Из губастых разинутых рыбьих ртов бьют струйки воды.

Марек садится на бортик фонтана. Мысли путаются у него в голове, навязчивые образы кружатся в бесконечном хороводе – козлы для порки и поломанные розги на дощатом полу, смеющиеся глаза Катаржины, крошка в мисках, покрытых голубой, как небо глазурью, гладко выбритое лицо пана Пшевозьника, записи в дисциплинарном журнале, пшеничные волосы, рассыпанные по плечам панночки и торчащие из ведра длинные гибкие прутья...

Мареку кажется, что он сходит с ума. Он наклоняется, зачерпывает воды из фонтана и плещет себе в лицо. Но лучше ему не становится. Марек отчетливо представляет, как Катаржина, улыбаясь и пряча глаза, ложится на козлы, как она вытягивает длинные тонкие руки и упирается босыми ногами в пол. А майор в майке и галифе деловито затягивает кожаные ремешки, пристегивая запястья и щиколотки панночки к ножкам козел. Стиснув зубы, Марек представляет, как майор бесцеремонно задирает подол ситцевого платья, как он вытягивает из ведра тонкий прут и принимается хлестать Катаржину розгой, а панночка стонет и вертится на козлах... А еще Мареку приходит в голову, что дисциплинарный журнал исписан больше чем наполовину. Выходит, Катаржина ложилась на эти чертовы козлы едва ли не каждый день! У Марека не укладывается в голове, как она терпела подобное обращение. Он думает, что пана Пшевозьника следовало бы хорошенько поколотить. Но потом Марек вспоминает, что нынешним утром, покуда они ели крошку, Катаржина не сводила с майора восторженных сияющих глаз, она казалась взволнованной и счастливой, и с её губ не сходила улыбка. А ведь четверть часа назад Катаржина лежала на козлах в той самой комнате с окном заросшим зеленым плющом, и майор охаживал её прутьями.

Все это совершенно сбивает Марека с толка.

Он сидит на бортике фонтана и смотрит, как закатное солнце, похожее на ломтик расплавленного масла, плывет между свинцовыми льдинами туч.

Но Марек не сдаётся, он снова и снова складывает эти путанные и глупые мысли у себя в голове, то так, то эдак, словно кубики с азбукой, чтобы получилось заветное слово. И кубики неожиданно складываются, и Марек получает ответ.

Катаржине нравится, когда ее секут розгами.

И Катаржина хочет, чтобы с ней обращались подобным образом.

Мареку сложно в это поверить, но другого ответа у него попросту нет.

Но порка, это, знаете ли, чертовски больно, и ужас как стыдно, это мольбы и слезы, и дрожащие губы, и страх, и чувство беспомощности и отчаяния! Марек знает, о чем говорит, пока он жил в Торуня его частенько наказывала старшая сестра, а когда переехал в Мажене, за воспитание взялась пани Фелиция. А еще был учитель физики пан Лисовский, который в течение учебного года порол поочередно всех учеников в классе, просто тем, кто ленился, доставалось больше других. Так-то оно так, но было в этом битье розгами кроме боли и унижения что-то еще, что-то неприличное и притягательное, что-то запретное, порочное, только Марек никак не может понять, что же это. Он снова представляет Катаржину с задраным ситцевым платьем, лежащую на козлах и замечает, что его член твердеет и поднимается в брюках.

Слышится гудок локомотива, и электричка, набирая ход, выползает из-за одноэтажного здания вокзала. Марек растерянно оглядывается по сторонам, словно позабыл, где он находится. Уже вечерет, а тетушка не любит, когда опаздывают к ужину. Марек поднимается с бортика фонтана и берет велосипед за руль. Низкое солнце бьет ему в глаза, Марек щурится, он не видит куда идет и случайно толкает велосипедом какую-то пани.

– Ой, простите! – извиняется Марек.

Женщина нагибается и растирает рукой лодыжку.

– Смотреть нужно, куда идешь, – говорит она сердито. – Ну вот, пожалуйста! Я об этот чертов велосипед чулок порвала.

Она хмурится, пинает туфелькой колесо велосипеда и идет прочь.

Марек смотрит ей вслед.

Пани, наверное, лет тридцать. Она худощавая, стройная, в черном коротком платье и черных чулках. Её рыжие вьющиеся волосы оттенка меди рассыпаны по плечам. Вечерняя прозрачная тень уже накрыла привокзальную площадь, и только последний солнечный луч, словно прожектор в варьете освещает ладные ножки пани.

Марек не может оторвать взгляда от точеных щиколоток. Стоит и слушает, как стучат по мостовой каблучки туфель. Возле пешеходного перехода пани останавливается и наклонившись с отчаянием она разглядывает порванный чулок, потом бросает взгляд на круглые часы на здании вокзала и быстрым шагом направляется к галантерейному магазину. Возле крыльца магазина стоит пара манекенов, одетых не по сезону и немного смахивающих на пугала. Пани поднимается по ступеням, толкает дверь и заходит в лавку.

И Марек идет следом, он ничего не может с собой поделывать.

Он проходит под окнами магазинчика и видит сквозь стекло витрины рыжеволосую женщину в черном коротком платье. Пани стоит возле прилавка и выбирает чулки. Марек оставляет велосипед в проулке, поднимается на крыльцо и заходит в магазин. Он проходит к висящим на крючках картузам и кепкам и примеривает то один головной убор, то другой. Марек вертится перед зеркалом и видит, что пани выбрала, наконец, чулки и идет в сторону примерочных кабинок. Марек идет следом. Заходит в соседнюю кабинку, задергивает штору и забирается на скамеечку. Поднявшись на мыски, он заглядывает за край перегородки. Пани сидит на скамеечке и снимает порванные чулки. Марек, затаив дыхание, следит, как полупрозрачный нейлон сползает с белых стройных ножек. Вот пани сдернула чулок с колена, вот из-под чулка показались гладкая икра, следом щиколотка и узкая изящная стопа. Рванный чулок летит на пол. Женщина вздыхает, растягивает на пальцах и придиричиво рассматривает новый чулок. Потом собирает чулок гармошкой и, вытянув пальчики, принимается натягивать его на ступню. Марек взволнованно дышит, у него вспотели ладони. Горячий эрегированный член упирается головкой в ширинку. Неожиданно женщина замирает с чулком в руке. Марек стоит на скамеечке ни жив ни мертв и слышит, как грохочет сердце в груди. Он хочет спрятаться за перегородкой, но не успевает. Пани медленно поднимает голову и испуганно смотрит на Марка большими глазами.

Марек соскакивает на пол, одергивает штору и видит, как через зал к примерочным кабинкам идет вразвалочку толстая продавщица в синем халате, закрывая собой весь проход. У Марка всего пара секунд, пока пани в кабинке не примется кричать и не устоит скандал. Подчиняясь какому-то наитию, Марек поворачивается спиной к торговому залу, к этой толстой продавщице и спасительным стеклянным дверям и со всех ног бежит по узкому проходу между кабинок, бежит, сам не зная куда. Марек сворачивает за угол, подошвы ботинок скользят по линолеуму. Он с облегчением видит, что короткий коридор вовсе не оканчивается тупиком. В конце коридора дверь с окошком, и сквозь это окошко Марек видит забрызганную вечерним светом тихую улочку и зелень какого-то дерева. В два прыжка он оказывается на пороге черного хода. Марек поворачивает ручку, и толкает, и тянет дверь на себя, и дверь, наконец,

распахивается, да так легко, что Марек едва не летит с ног. Тяжело дыша, он вываливается в проулок за галантерейной лавкой и видит свой велосипед, стоящий возле стены.

Марек не помнит, как запрыгнул на велосипед и как отъехал от магазина. Он помнит только, что крутит педали изо всех сил и несется по тихим улочкам городка, а ветер звенит в ушах, и волосы отлетают назад со лба. Марек увозит из Картузов трофей, воспоминание о ножках прекрасной рыжеволосой пани в примерочной кабине. Стоит Мареку закрыть глаза, и он видит, как вниз по стройной белой ноге сползает полупрозрачный нейлон чулка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поезд ползет все медленней и медленней и, наконец, с лязгом останавливается. Молчаливый заспанный проводник распахивает дверь вагона в сырую тьму, чуть разбавленную белым светом фонарей, и Казимеж Ивелинский выходит из тамбура на перрон. Три часа ночи. Накрапывает дождик, над зданием вокзала висит сочащееся влагой хмурое небо, подсвеченное городскими огнями.

С обтянутым черной кожей чемоданчиком в руке, в коротком плаще и сдвинутой на бок шляпе, пан Ивелинский не торопясь идет по перрону. Это сухопарый немолодой уже господин среднего роста. У него недоброе худое лицо с глубоко прорезанными носогубными складками, аккуратно подстриженная бородка клинышком, и маленькие, глубоко запавшие глаза, цветом похожие на перезревший крыжовник. Голова пана Ивелинского обрита машинкой, и когда он проходит под фонарем, становится заметен белый шрам немного выше левого виска. Шрам, прямо скажем, выглядит жутковато, он похож на паука с растопыренными лапками.

Все пассажиры, приехавшие в Гданьск ночным поездом из Варшавы, уже обогнали пана Ивелинского. Каждый спешит попасть домой, потому что час уже поздний, один Казимеж никуда не торопится и поднимается на пешеходный мост, проходящий над железнодорожными путями, самым последним. Он ставит чемоданчик на дощатый настил и, облокотившись о поручень, смотрит на горящие в темноте огни семафоров. Сунув руку в карман плаща, Казимеж Ивелинский достает пригоршню тыквенных семечек. Он грызет семечки и терпеливо ждет. Он стоит на мосту промеж двух висящих на изогнутых дугах фонарей, в густой темноте. Проходит минута, другая, и Казимеж Ивелинский видит этого пана. Казимеж уже давно приметил его в поезде. Пан выходит из-за газетного киоска, стоящего на перроне. Свет в киоске не горит, киоск до утра закрыт, на окнах опущены жалюзи. На пане черный бушлат и кепка, а из-под кепки торчат рыжие патлы. Рубиновый уголек сигаретки освещает его рябое лицо. Странное дело, но этот пан, как и сам Казимеж что-то не особо торопится домой.

В Варшаве Казимежа обложили, словно волка на охоте. Пришлось устроить пожар в собственной студии. Пожар вышел просто загляденье! Ничего не горит лучше, чем целлулоидная киноплёнка. Всю нынешнюю ночь пан Ивелинский провел, пересаживаясь с поезда на поезд. От самой столицы его вели трое агентов в штатском. Казимежа Ивелинского бодрила это ночная погоня, металлический привкус опасности во рту. Настоящий художник свободен абсолютно, он не признает границ ни географических, ни жанровых, ни границ морали, а государственная машина не терпит свободы по самой своей природе. Все, что государство может дать подданным – это лишь жалкая иллюзия, бледная тень свободы, которой способны удовлетвориться только глупцы и невежды.

Казимеж Ивелинский знал, что рано или поздно ему придется бежать из Варшавы, но он и подумать не мог, что это случится из-за Розы. Роза была его сверкающим алмазом. Похоть сочилась из каждой поры на её кожи и словно невидимое сияние застывало на целлулоиде 35-миллиметровой киноплёнки. Обиднее всего было то, что Казимеж успел снять Розу только в двух своих фильмах. Сперва Казимеж снял с Розу в коротком ролике без сюжета. Кроме панночки в этом ролике был задействован еще один актер – высокого роста атлетически сложенный австриец, а также его длинный слегка изогнутый член и черный флоггер, оставивший на округлых ягодицах Розы весьма впечатляющие фиолетовые следы.

Посмотрев проявленную пленку, Казимеж с кристальной ясностью осознал, что Роза станет одной из самых ярких звезд мирового порно. Панночка была рождена, чтобы сниматься в фильмах для взрослых, это было её призвание.

Казимеж не стал терять время попусту и через несколько дней снял с Розой часовой фильм. В этой ленте панночка играла ленивую школьницу, которая не желала учиться. На роли репетиторов пан Ивелинский выбрал двух немолодых, уставших от жизни шлюх. Для него был особенно важен этот контраст между свежей юной Розой и потасканными уличными девками. Чтобы вразумить ленивую панночку репетиторши сперва использовали кухонную лопатку, потом шотландский тоуз и, наконец, ротанговую трость. К концу фильма полные круглые ягодицы Розы были исхлестаны так, что цветом походили на вареную свеклу. У панночки дважды случался оргазм во время съемок, и тогда Казимеж останавливал камеру и объявлял короткий перерыв. Пан Ивелинский чувствовал возбуждение панночки, словно статическое напряжение, висящее в воздухе во время грозы.

В конце лета Розе должен был исполниться двадцать один год. Но ее лицо выглядело по-детски округлым, с румяными щечками и полными губками, вздернутым носиком и ясными невинными глазами. Для съемок фильма Казимеж попросил Розу собрать волосы в два хвостика и повязать белые банты.

Без всякого сомнения, это был лучший фильм Казимежа Ивелинского. Теперь он хотел видеть в главной роли только Розу. Посмотрев отснятый материал, пан Ивелинский прогуливался среди ночи по безлюдному бульвару. Казимеж грыз на ходу тыквенные семечки, роняя шелуху на тротуар, а в его голове крутились незамысловатые сюжеты новых фильмов – про полицейского и неумелого воришку, про кроткую падчерицу и жестокосердного отчима, про неумеху горничную и строгую хозяйку и все в том же роде. Увы, обширным творческим планам пана Ивелинского не суждено было сбыться. Но, скажите, откуда Казимежу было знать, кто отец этой панночки?

Казимеж Ивелинский невесело усмехается и качает головой. Он стряхивает с ладоней шелуху и, взяв чемоданчик, идет через мост. Между последним поездом из Варшавы и первой электричкой, которая идет из Гданьска был почти часовой перерыв. Прежде чем спуститься на перрон, откуда отходят пригородные поезда, пан Ивелинский оглядывается. Рыжий как раз проходит под фонарем. Он оказался не таким раззявой, как другие агенты, но Казимеж все равно был ловчее.

Из забранного решеткой окошка в кассе уже льется желтенький электрический свет. Пан Ивелинский покупает билет до Везыцы, хотя сам собирался сойти раньше, в Картузах. Это такая игра, Казимеж бежит и путает следы, а за ним по пятам идут агенты в штатском. Казимеж знает, что ему не скрыться от полиции. Рано или поздно они узнают, на какой станции он сошел с электрички, и в какой глуши снял жилье. Но пожар, который пан Ивелинский устроил в студии на окраине Варшавы, уничтожил все улики, все негативы и проявленные пленки, все журналы с записями, все долговые расписки. Ищейкам придется начинать с чистого листа, а Казимеж Ивелинский тем временем продолжит дело всей своей жизни. Он будет снимать кино для ценителей настоящего искусства. Уточненное и brutальное, порочное, вульгарное и изысканное.

Чтобы скоротать время пан Ивелинский прогуливается по перрону и встречает двух полицейских в дождевиках и фуражках. Один совсем еще мальчишка – худощавый и высокий, как каланча, с усами, которые совершенно ему не идут. Его напарница – напротив, невысокая и полная пани с круглым щекастым лицом и съехавшими к переносице недобрыми цепкими глазками. Казимеж Ивелинский раскланялся с полицейскими. Полицейские пожелали ему доброго утречка. Остановившись в конце перрона, пан Ивелинский грызет семечки и смотрит в клубящуюся над путями промозглую тьму. Казимеж может только гадать, улыбнется ему удача в этой глуши или нет.

Переложив чемоданчик из руки в руку, он не торопясь идет обратно. Мокрый от дождя перрон поблескивает под фонарями, будто покрытый черным лаком. На лавках под навесом уже сидят паны с заспанными, похожими на бледные вареники лицами. Казимеж идет между

лавок и внимательно поглядывает на ранних пассажиров. Дойдя до билетной кассы, Казимеж видит рыжего пана в надвинутой на глаза кепке. Он разговаривает о чем-то с полицейскими, которых пан Ивелинский раньше встретил на перроне. Агент говорит вполголоса и Казимеж не слышит ни слова, а потом рыжий достает из кармана фотокарточку. Пан Ивелинский уже видел такие снимки у других агентов. На фотографии Казимеж Ивелинский собственной персоной. Его худое лицо с профессорской бородкой ярко освещено косыми лучами солнца. Здание на заднем плане немного размыто, вероятно, снимали из автомобиля, стоящего на другой стороне улицы, используя трансфокатор.

– Да, мы видели этого господина на перроне минут десять назад, – пани полицейская оглядывается на своего долговязого напарника. – Верно, Ежи?

– Это он, пани Беньковская, – кивает Ежи. – Как нам следует поступить?

Казимеж Ивелинский не спеша обходит билетную кассу с другой стороны. Рыжий агент его разочаровал. Обратившись за помощью к полицейским, он поступил неспортивно. С другой стороны, теперь у Казимежа развязаны руки.

Пан Ивелинский с чемоданчиком в руке идет к самому началу перрона. Навеса здесь нет. Под фонарем в рыжем пятаке света стоит блестящая от дождя скамейка.

– Постойте-ка, пан, – слышит Казимеж голос полицейского Ежи у себя за спиной.

Казимеж останавливается, ставит на лавку чемоданчик и оборачивается. Полицейские спешат к нему со всех ног.

– Что вам угодно? – интересуется Казимеж.

– Будьте любезны, предъявите ваши документы, – спрашивает его, запыхавшись немного от быстрой ходьбы пани Беньковская.

– А что собственно случилось? – Казимеж не может отказать себе в удовольствии и произносит эту сакраментальную фразу, которую слышал, наверное, в десятке кинофильмов.

– Ваши документы, пан, – настойчиво, вслед за напарницей повторяет полицейский Ежи.

– Да, конечно, – Казимеж расстегивает плащ, ищет паспорт по карманам пиджака. – Нет, не здесь... Ах, я голова садовая! Простите, господа, одну минуту.

Он снимает с шеи ключ на шнурке и, нагнувшись над чемоданчиком, отпирает и отщелкивает оба замка. Казимеж откидывает крышку и обитые металлом уголки ярко вспыхивают в свете фонаря. Внутри чемодана лежит старая кинокамера с тремя сменными объективами, закрепленными на поворотном кольце, несколько жестяных коробок с киноплёнкой и пара сменных кассет. Из матерчатого кармашка Казимеж достает паспорт и протягивает его полицейским.

– Прошу меня извинить, запамятовал куда положил, – говорит Казимеж Ивелинский с улыбкой.

Пани Беньковская буквально выхватывает паспорт из руки Казимежа. Да, она не красавица, но у Казимежа найдется для пани годная роль. А вот у Ежи, напротив, глупая смазливая мордашка, сбрить бы еще эти кошмарные усы!

Пани Беньковская не торопясь пролистывает паспорт, хмурится и сдвигает на затылок фуражку.

Казимеж складывает из пальцев рамочку и смотрит сквозь неё, будто через визир камеры, на полицейских и темный пустой перрон. Пожалуй, может получиться милая жанровая сценка.

– Вы Казимеж Ивелинский? – спрашивает его пани Беньковская.

– Все верно.

– А это у вас кинокамера? – спрашивает Ежи, заглядывая в чемоданчик пана Ивелинского.

– Я вижу, пан, интересуется кинематографом? Это «Камефлекс», компания «Эклер», Франция. Быстросъемные кассеты, сквозной визир и револьверная головка на три сменных объектива. Для своего времени просто изумительная машинка! Позволяет снимать без шта-

тива, в свободном движении. На такой вот «Камефлекс» снимали и Жак-Люк Годар и Рене Клер и даже Орсон Уэллс.

Казимеж Ивелинский торжественно достает камеру из чемоданчика. Он снимает крышку с объектива и заглядывает в визир. Казимеж недовольно морщится, потому что нижняя кромка кадра обрезает полицейским ноги и делает шаг назад. Вот теперь совсем другое дело!

– Казимеж Ивелинский, вам придется пройти с нами в полицейский участок, – говорит пани Беньковская. – Не беспокойтесь, это простая формальность.

Пан Ивелинский опускает кинокамеру.

– Вот как, – говорит задумчиво Казимеж и пощипывает седую бородку. – Но с минуту на минуту придет электричка, и я собирался на ней уехать. Я уже и билет купил. Признаться, у меня совсем нет времени на эти глупости. Мне жаль, но я не смогу принять ваше приглашение. Увы, никак не смогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.